

«ДЕДЫ ВЕРЯТ В ДЕЛО»

30 ноября 1911 года по старому стилю Александр Блок записал в дневник: «Сегодня ночью скончался дядя Николай. Конец Бекетовского рода». И днем позже: «На вчерашней панихиде, несмотря на мерзость попов и певчих, было хорошо; уютно лежит маленький, седой и милый старик. Последние крохи дворянства — Василий на козлах; простые, измученные Бекетовские лица: истинная, почти уже нигде не существующая скромность».

Прозрачная грусть этих записей Блока обращена к памяти родного брата его деда, всемирно известного русского ученого, основоположника физической химии Николая Николаевича Бекетова. В мире Блока, созданном многими биографическими очерками, литературоведческими эссе и монографиями, этому человеку, чей уход с такой болью отметил поэт, практически не нашлось места — он существует в этом мире лишь в кратких сухих ссылках и комментариях, в расшифровках групповых фотографий. Если судить по дневникам, записным книжкам и письмам самого Блока, то кажется, что дядя Николай занимал в его жизни не так уж много места. Может быть, здесь сказалась общая для всех Бекетовых-мужчин черта — мало говорить друг о друге?

В августе восемнадцатого года, восстанавливая по памяти пройденный путь, Блок в числе знаменательных вех своей жизни в 1899–1901 годах, в период охвативших страну студенческих волнений, называет «разговоры у дяди Николая Николаевича». А дядя Николай был очень интересным собеседником — даже

сухая «Большая энциклопедия» Южакова, перечисляя славных представителей бекетовского рода, для него нашла такие сердечные слова: «Будучи первоклассным ученым, Бекетов никогда не оставался чуждым общественной жизни... Доживши до почтенной старости, Бекетов не утерял этих черт, и до сих пор все, касающееся интересов учащегося юношества, глубоко его трогает; и потому Бекетов пользуется особенно любовью всей учащейся молодежи и ее друзей». Вот почему разговоры у дяди Николая запомнились Блоку. Во всяком случае его поздняя запись свидетельствует о том, что встречи с дядей Николаем были не просто данью вежливости, и прошли они не бесследно.

Время, о котором Блок писал, вспоминая разговоры у дяди Николая, он делил между Петербургом, где жил Н. Н. Бекетов, и дедовским Шахматовом, и именно эти годы связаны с живым интересом поэта к Ф. М. Достоевскому — писателю и человеку.

Биографами Блока и исследователями его творчества уже давно был сделан вывод о том, что Достоевского в семье Бекетовых не любили все, кроме матери Блока. Только ее влиянием объяснялось обращение поэта к творчеству Достоевского в 1900–1902 годах, так заметно сказавшемуся на его мировоззрении. При этом полностью упускалась из виду любовь и непоколебимая верность памяти Достоевского, присущая дяде Николаю.

Н. Н. Бекетов познакомился с Достоевским в 40-х годах, а осенью 1846 года он и его стар-

ший брат Алексей, друживший с Достоевским еще в Главном инженерном училище, сошлись с писателем настолько близко, что решили поселиться вместе, коммуной, или, как говорил Достоевский, ассоциацией. О своем сближении с А. и Н. Бекетовыми и совместно с ними проживании Достоевский, тяжело переживавший свой разрыв с «Современником», писал тогда брату Михаилу: «Я много обязан в этом деле (нравственном и физическом возрождении. — И. А.) моим добрым друзьям Бекетовым, Залубецкому и другим, с которыми я живу; это люди делные, умные, с превосходным сердцем, с благородством, с характером. Они меня вылечили своим обществом».

После весны 1847 года, когда Алексей уехал в деревню к отцу, а Николай перевелся в Казанский университет, оба они с Достоевским уже не встречались. Лишь в 1877–1878 годах, незадолго до смерти Достоевского, между ним и Николаем Бекетовым произошел обмен письмами. Бекетов писал другу молодости о своем преклонении перед его литературным гением и перед его произведениями, имеющими «общечеловеческий всеобъемлющий смысл» (23 февраля 1877 года), упоминал и верность «памяти о прожитом», удержавшей в них обоих «одно лучшее, т. е. одно положительное» (18 августа 1878 года).

Есть и более последовательное, хотя и менее известное изложение представлений Н. Н. Бекетова о Достоевском. Оно содержится в репортерской записи его речи на панихиде в Харькове 1 февраля 1881 года,

появившейся день спустя в газете «Южный край»:

«Не стало еще одного дорогого нам человека, но душа его осталась между нами — он передал ее нам в произведениях своего ума и сердца. Вся жизнь Федора Михайловича Достоевского была посвящена служению человечеству и особенно своему родному народу, который он горячо любил и дух которого он так глубоко почитал. Человек и писатель составляли в нем одно нераздельное целое, потому-то сила и постоянство его нравственных и общественных убеждений равнялись только силе его литературного дарования...»

В своей речи Н. Н. Бекетов выделил родные ему самому черты писателя — неказенный патриотизм, верность избранному пути, идеалам, близким и друзьям. Мнение дяди Николая о Достоевском, уже оставшееся неизменным тридцать пять лет от первого знакомства до смерти писателя, сохранилось и в последующие тридцать лет его жизни, пятнадцать из которых прошли в общении с Блоком.

Вряд ли Блок мог оставаться безразличным к этим взглядам, можно предположить, что они оставили след в философской лирике Блока. Так, например, в стихотворении «Входите все. Во внутренних покоях...» (с. Шахматова, 14 июля 1901 г.) отразились в какой-то мере бурные споры у Бекетовых о соотношении художественного слова и полезной, «материалистской» «дельности», о бессмертии писателя-творца. В нем можно услышать отголоски воззрений дяди Николая.

Когда Блок писал эти строки, дед был еще жив. Через год этот так много значивший для него человек ушел из жизни, и свою скорбь поэт выразил стихотворением «На смерть деда». Главой бекетовского рода в глазах Блока остается дядя Николай, и тут происходит удивительная метаморфоза: дорогой и

незабываемый для него образ деда становится множественным. Уже зимой 1904 года в холодном и сыром февральском Петербурге Блок погружается в идиллические воспоминания, и в них оживает неповторимая прелесть навсегда ушедших дней: «...Деды дремлют и лелеют сны французских баррикад». А затем, уже после смерти дяди Николая, множественным становится образ деда и в планах поэмы «Возмездие»: «...деды верят в дело» (октябрь 1913 г.). И здесь опять бекетовский культ «дела».

Блок знал, как много сделали его деды — братья Бекетовы для русской науки, культуры, для русского народного образования, но он прежде всего был поэтом, и для него лично важен был не послужной список дедов, а их жизненный опыт, их внутренняя жизнь, борьба, искания и идеалы. И, наверное, поэтому краткую справку о Бекетовых в одной из своих автобиографий он предварил предельно скромной фразой: «Семья моей матери причастна к литературе и к науке». Впрочем, когда в 1909 году Блок счел себя обязанным ответить на выпады современника В. В. Розанова, поэт определенно и недвусмысленно заявил о том, что кровно принадлежит к бекетовскому кругу, то есть к русской интеллигенции. «Ведь я... — писал поэт, — с молоком матери впитал в себя дух русского гуманизма». Дед мой — А. Н. Бекетов, ректор СПб. университета, и я по происхождению и по крови «гуманист», т. е., как говорят теперь, — «интеллигент». В этом же письме Блок выражает надежду на то, «что народ, что интеллигенция — вскоре (как я чаю и многие чают) будет од-но».

Игорь ЛОСИЕВСКИЙ
ХАРЬКОВ